

Содержание:

image not found or type unknown

Первое увлечение театром

Все тогда радовало, все занимало Александра Островского: и веселые вечеринки; и разговоры с друзьями; и книги из обширной папенькиной библиотеки, где прежде всего читались, конечно, Пушкин, Гоголь, статьи Белинского да в журналах и альманахах разные комедии, драмы, трагедии; и, конечно, театр с Мочаловым и Щепкиным во главе.

Все восхищало тогда Островского в театре: не только пьесы, игра актеров, но даже и нетерпеливый, нервный шум зрителей перед началом спектакля, сверкание масляных ламп и свечей. дивно расписанный занавес, самый воздух театральной залы — теплый, душистый, пропитанный запахом пудры, грима и крепких духов, какими опрыскивались фойе и коридоры.

Именно тут, в театре, на галерке, познакомился он с одним примечательным молодым человеком—Дмитрием Тарасенковым, из новомодных купеческих сынков, до страсти любивших театральные представления.

Это был не малого росту, широкогрудый, плотный юноша лет на пять, на шесть старше Островского, со светлыми волосами, стриженными в кружок, с острым взглядом маленьких серых глаз и зычным, истинно дьяконским голосом. Его мощный крик “браво”, каким встречал он и провожал со сцены знаменитого Мочалова, легко заглушал аплодисменты партера, лож и балконов. В своей черной купеческой поддевке и голубой русской рубашке с косым воротом, в хромовых, гармошкой, сапогах он разительно походил на добра молодца старинных крестьянских сказок.

Из театра они вышли вместе. Оказалось, что оба живут недалеко друг от друга: Островский— на Житной, Тарасенков — в Монетчиках. Еще оказалось, что оба они сочиняют пьесы для театра из жизни купеческого сословия. Только Островский еще лишь примеривается да набрасывает комедии прозой, а Тарасенков пишет пятиактные стихотворные драмы. И, наконец, оказалось, в-третьих, что оба

папаши— Тарасенкова и Островского — решительно против подобных увлечений, считая их пустым баловством, отвлекающим сыновей от серьезных занятий.

Впрочем, папаша Островский ни повестей, ни комедий сына не трогал, в то время как второй гильдии купец Андрей Тарасенков не только что сжигал в печке все писания Дмитрия, но неизменно награждал за них сына свирепыми ударами палки.

С той первой встречи в театре стал все чаще и чаще захаживать Дмитрий Тарасенков на Житную улицу, а с переездом Островских в другое их владение — и в Воробино, что на берегу Яузы, у Серебряных бань.

Там, в тиши садовой беседки, заросшей хмелем и повиликой, они, бывало, подолгу читали вместе не только современные русские и заграничные пьесы, но и трагедии и драматические сатиры старинных российских авторов...

“Великая мечта моя — стать актером, — сказал однажды Дмитрий Тарасенков Островскому,— и это время пришло — отдать наконец свое сердце без остатка театру, трагедии. Я смею это. Я должен. И вы, Александр Николаевич, либо скоро услышите обо мне нечто прекрасное, либо оплачете мою раннюю гибель. Жить так, как жил до сих пор, не хочу-с. Прочь все суетное, все низменное! Прощайте! Нынче в ночь покидаю родные пенаты, ухожу из дикого этого царства в неведомый мир, к святому искусству, в любимый театр, на сцену. Прощайте же, друг, поцелуемся на дорожку!”

Потом, через год, через два, вспоминая это прощание в саду, Островский ловил себя на странном чувстве какой-то неловкости. Потому что, в сущности, было в тех, казалось бы, милых прощальных словах Тарасенкова нечто не то чтоб фальшивое, нет, но как бы придуманное, не совсем естественное, что ли, подобное той выпренней, звонкой и странной декламации, какую наполнены драматические изделия записных наших гениев. вроде Нестора Кукольника или Николая Полевого.

Особенность дарования Островского

Островский писал для театра. В этом особенность его дарования. Созданные им образы и картины жизни предназначены для сцены. Поэтому так важна речь героев у Островского, поэтому его произведения так ярко звучат.

Недаром Иннокентий Анненский назвал его реалистом-слуховиком. Без постановки на сцене его произведения были словно бы не завершены, поэтому так тяжело Островский воспринимал запрещение его пьес театральной цензурой. Комедию «Свои люди - сочтемся» разрешили поставить в театре только через десять лет после того, как Погодину удалось ее напечатать в журнале.

С чувством нескрываемого удовлетворения А. Н. Островский писал 3 ноября 1878 года своему другу, артисту Александрийского театра А. Ф. Бурдину: «Пьесу свою я уже читал в Москве пять раз, в числе слушателей были лица и враждебно настроенные ко мне, и все единогласно признали «Бесприданницу» лучшим из всех моих произведений». Островский жил «Бесприданницей», временами только на неё, свою сороковую по счету вещь, устремлял «своё внимание и силы», желая «отделать» её самым тщательным образом. В сентябре 1878 года он писал одному из своих знакомых: «я работаю над своей пьесой изо всех сил; кажется, выйдет не дурно». Уже через день после премьеры, 12 ноября Островский мог узнать, и несомненно узнал, из «Русских ведомостей», как ему удалось «утомить всю публику вплоть до самых наивных зрителей». Ибо она - публика - явно «переросла» те зрелища, какие он предлагает ей. В семидесятые годы отношения Островского с критикой, театрами и зрителем становились всё более сложными. Период, когда он пользовался всеобщим признанием, завоёванным им в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов, сменился другим, всё более нараставшим в разных кругах охлаждения к драматургу.

Театральная цензура

Театральная цензура была более жёсткой, чем литературная. Это не случайно. По сути своей театральное искусство демократично, оно более прямо, чем литература, обращено к широкой публике. Островский в «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881) писал, что "драматическая поэзия ближе к народу, чем другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии - для всего народа; драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны. Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а напротив, удваивает ее силы и не дает ей опошлиться и измельчать". Островский говорит в своей «Записке» о том, как расширяется театральная аудитория в России после 1861 года. О новом, не искушенном в искусстве зрителе Островский пишет: "Изящная литература еще скучна для него и непонятна, музыка тоже, только театр

даёт ему полное удовольствие, там он по-детски переживает все, что происходит на сцене, сочувствует добру и узнает зло, ясно представленное». Для "свежей" публики, писал Островский, "требуется сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий, откровенный, громкий смех, горячие, искренние чувства".

Именно театр, по мнению Островского, уходящий своими корнями в народный балаган, обладает возможностью прямо и сильно воздействовать на души людей. Через два с половиной десятилетия Александр Блок, говоря о поэзии, напишет, что суть ее - в главных, "ходячих" истинах, в способности донести их до сердца читателя, которой обладает театр:

Ташитесь, траурные клячи!

Актеры, правьте ремесло,

Чтобы от истины ходячей

Всем стало больно и светло!

(«Балаган», 1906)

Огромное значение, которое Островский придавал театру, его мысли о театральном искусстве, о положении театра в России, о судьбе актеров - все это нашло отражение в его пьесах. Современники воспринимали Островского как продолжателя драматургического искусства Гоголя. Но сразу же была отмечена и новизна его пьес. Уже в 1851 году в статье «Сон по случаю одной комедии» молодой критик Борис Алмазов указал на отличия Островского от Гоголя. Своеобразие Островского состояло не только в том, что он изображал не одних лишь притеснителей, но и их жертвы, не только в том, что, как писал И. Анненский, Гоголь был преимущественно поэтом "зрительных", а Островский "слуховых" впечатлений.

Роль театра в жизни Островского

В жизни самого Островского театр играл огромную роль. Он принимал участие в постановке своих пьес, работал с актерами, со многими из них дружил, переписывался. Немало сил он положил, защищая права актеров, добиваясь создания в России театральной школы, собственного репертуара. Артистка Малого театра Н. В. Рыкалова вспоминала: Островский, «ближе познакомившись с труппой,

стал у нас своим человеком. Труппа его очень любила. Александр Николаевич был необыкновенно ласков и обходителен со всеми. При царившем тогда крепостном режиме, когда артисту начальство говорило «ты», когда среди труппы большая ее часть была из крепостных, обхождение Островского казалось всем каким-то откровением. Обычно Александр Николаевич сам ставил свои пьесы... Островский собирал труппу и читал ей пьесу. Читать он умел удивительно мастерски. Все действующие лица выходили у него точно живые... Островский хорошо знал внутреннюю, скрытую от глаз зрителей, закулисную жизнь театра. Начиная с Леса» (1871), Островский разрабатывает тему театра, создает образы актеров, изображает их судьбы - за этой пьесой следуют «Комик XVII столетия» (1873), «Таланты и поклонники» (1881), «Без вины виноватые» (1883).

Положение актёров в театре, их успех зависели от того, понравятся они или нет богатым зрителям, задающим тон в городе. Ведь провинциальные труппы жили в основном на пожертвования местных меценатов, которые чувствовали себя в театре хозяевами и могли диктовать свои условия. Многие актрисы жили за счет дорогих подарков от состоятельных поклонников. Актрисе, которая берегла свою честь, нелегко приходилось. В «Талантах и поклонниках» Островский изображает такую жизненную ситуацию. Домна Пантелеевна, мать Саши Негиной сетует: «Нет моей Саше счастья! Содержит себя очень аккуратно, ну и нет того расположения промежду публики: ни подарков каких особенных, ничего такого, как прочим, которые... ежели...».

Нина Смельская которая принимает охотно покровительство богатых поклонников, превращаясь по существу в содержанку, живет гораздо лучше, чувствует себя в театре гораздо увереннее, чем талантливая Негина. Но несмотря на трудную жизнь, невзгоды и обиды, в изображении Островского, многие люди посвятившие свою жизнь сцене, театру, сохраняют в своей душе доброту и благородство. В первую очередь это трагики, которым на сцене приходится жить в мире высоких страстей. Разумеется, благородство и душевная щедрость присущи не только у трагиков. Островский показывает, что подлинный талант, бескорыстная любовь к искусству и театру поднимают, возвышают людей. Таковы Нароков, Негина, Кручинина.

Таким образом, подводя итоги, мы можем сказать, что Островский ответственно относился к своей роли в создании русского театрального репертуара. Он видел в театре школу воспитания нравов, стремился к правдивому изображению жизни. Он хотел, чтобы театральное искусство стало общедоступным. Имя Островского носит Малый театр, показывая его заслуги.